

Хронотоп в рассказах А. П. Чехова (на материале «Маленькой трилогии»).

Эсалнек А. Я.

В литературоведение термин *хронотоп* был введен М. М. Бахтиным, подчеркивавшим в нем «выражение... неразрывности пространства и времени (время как четвертое измерение пространства)»¹. Само же понятие реально существовало уже у античных мыслителей. В последние десятилетия проблема хронотопа актуализировалась: понятие оказалось очень емким и продуктивным, используемым при анализе и эпических, и лирических, и драматических произведений. Особенно значимо оно при рассмотрении повествовательных произведений, которые бывают разными по хронотопической организации и потому в разной степени репрезентативными с указанной точки зрения.

По мнению А. Я. Гуревича, пространство и время являются «определяющими параметрами существования мира и основополагающими формами человеческого опыта». В силу этого они не могут не присутствовать в организации художественного мира. Основой организации такого мира в эпическом произведении являются действия и поступки персонажей, совершаемые в определенных условиях пространства и времени и образующие сюжет, при этом возможны сюжеты разного типа. В одних случаях воссоздание, значение пространства и времени в их взаимосвязи очевидно, в других - нет. М. М. Бахтин продемонстрировал особенности хронотопа прежде всего на материале греческого романа, пространственно-временная организация которого «во многом определила развитие всего авантюрного романа до середины XVIII века». В различных видах авантюрного романа специфика хронотопа, определенная Бахтиным как «авантюрное время» в абстрактном, «чужом» мире, как «техническая абстрактная связь пространства и времени», весьма очевидна и показательна. В *реалистической* литературе, в том числе у Чехова, она оказывается сложнее и требует особого аналитического подхода.

Как это качество проявляется в рассказах (или повестях) Чехова **«Человек в футляре»**, **«Крыжовник»**, **«О любви»**?

Целесообразно начать выяснение особенностей хронотопа, обратив внимание на принцип объединения рассказов в некое целое, которое называют «маленькой трилогией», а можно назвать и эпическим *циклом*. Традиционно эту особенность обозначают как «рассказ в рассказе», или рассказ с обрамлением. Действительно, единство цикла создают рассказчики: учитель Буркин и ветеринарный врач Чимша-Гималайский, к которым присоединяется Алехин. В первой повести Буркин делится воспоминаниями о жизни Беликова и гимназии в целом, а Иван Иванович вставляет реплики в рассказ о Беликове; во втором случае Чимша-Гималайский изливает свои наблюдения и мысли Буркину и Алехину, в доме которого они в данный момент оказались; в третьем («О любви») - Буркин и Чимша-Гималайский становятся слушателями личной истории Алехина.

Все эти встречи происходят в течение примерно трех дней. В первый день учитель и доктор отдыхают после охоты в сарае старосты Прокофия, и шаги некоей Мавры наталкивают Буркина на мысль о странных людях, прячущихся от жизни, одним из которых и оказывается Беликов; на следующий день они охотятся и, прячась от дождя, заходят в имение Алехина, где вечером Иван Иванович рассказывает о судьбе своего брата; затем остаются ночевать и наутро оказываются собеседниками и слушателями рассказа Алехина об истории его отношений с Анной Алексеевной.

Что касается места встреч этих трех лиц и места действия описываемых событий, то и рассказчики, и присутствующие в их рассказах персонажи пребывают, очевидно, в одной гу-

бернии, где Иван Иванович живет на конном заводе, недалеко от города, Буркин служит в гимназии, находящейся в городе, Алехин обитает в своем имении и бывает в городе по разным делам, в том числе в качестве мирового судьи. Там же протекает большая часть событий, о которых мы узнаем из рассказов трех названных лиц.

Это подтверждается и тем, что основные участники «событий» и их слушатели прямо или косвенно знакомы друг с другом. Буркин служил в одной гимназии с Беликовым, в ходе своего рассказа Буркин говорит Чимше-Гималайскому: «Вы, конечно, о нем слышали». После исповеди Алехина невидимый повествователь констатирует: «Буркин и Иван Иванович вышли на балкон... Они думали о том, какое, должно быть, скорбное лицо было у молодой дамы, когда он [Алехин] прощался с ней в купе и целовал ей лицо и плечи. Оба они встречали ее в городе, а Буркин был даже знаком с ней и находил ее красивой». Николай Иванович Чимша-Гималайский, о котором идет речь в «Крыжовнике», по словам его брата, долго жил в той же губернии.

К сказанному можно добавить, что события, о которых три персонажа рассказывают друг другу, не очень удалены во времени одно от другого. Буркин говорит, что похороны Беликова состоялись два месяца назад. Иван Иванович замечает, что он посетил брата в прошлом году. Судя по всему, роман Алехина с Анной Алексеевной имел место не так давно, если и Буркин, и Иван Иванович «ее знали».

Что касается продолжительности действия, то в первом случае («Человек в футляре») его лучше исчислять, по-видимому, не с начала рассказа Буркина о жизни гимназии и города, в том числе описания привычек Беликова, а с появления Коваленков, после чего «затеивается» интрига с женитьбой Беликова и Вареньки, которая завершается смертью Беликова. В рассказе «Крыжовник» основное потрясение, которое испытал Иван Иванович и из-за которого он захотел поделиться своими впечатлениями и мыслями о судьбе брата, имело место во время последнего посещения им Николая Ивановича, когда их встреча продолжалась один день. В третьем рассказе («О любви») действие течет, наверное, более двух лет или даже дольше: в ходе знакомства с Лутановичами у Анны Алексеевны рождается второй ребенок, она не раз уезжает к родственникам, а затем начинаются сборы: муж уезжает в другую губернию, а она - в Крым на лечение.

Но во всех случаях время действия четко не обозначено. И это, на мой взгляд, объясняется тем, что замысел автора, очевидно, заключается не в показе неординарных событий и ситуаций, случившихся в жизни Беликова, Николая Ивановича Чимши-Гималайского или Алехина с Анной Алексеевной, а в воспроизведении общей атмосферы, царящей в губернии, а по существу и не только в ней.

Эта мысль, конечно, не нова, но в данном случае важно то, что она может быть обоснована и подтверждена анализом именно пространственно-временной, или хронотопической, организации трех связанных между собой произведений. Особенно очевидно это в первом рассказе, где воспоминания Буркина начинаются с характеристики привычек своего товарища, учителя греческого языка Беликова, «испытывавшего постоянное и непреодолимое стремление окружить себя оболочкой, создать себе футляр, который уединил бы его, защитил бы от внешних влияний». На деле же стремление уединиться оборачивалось весьма активным давлением на окружающих, которые его боялись, потому что он «угнетал» всех своей осторожностью, мнительностью, а, главное, соображениями о том, что начальству может не понравиться поведение учеников, учителей или даже духовных лиц, устраивающих спектакли, помогающих бедным, читающих книги, не исполняющих постов и позволяющих себе в воскресенье отправиться на пикник, тем более на велосипеде. О довольно безобидном и чисто личном разговоре с учителем Коваленко Беликов считал нужным доложить начальству, т.е. господину директору, который тоже его боялся.

Заканчивая воспоминания о Беликове сообщением о его похоронах, Буркин недвусмысленно говорит, что поведение Беликова было не только источником постоянного страха окружающих его учителей, но и показателем удушливой атмосферы, которая наполняла и пропитывала жизнь всего города и которая не исчезла со смертью Беликова. О наличии та-

кой атмосферы на более широком пространстве свидетельствует реакция Ивана Ивановича, который готов был не только поддержать, но и развить мысль своего товарища, используя его понятие «футлярность» и утверждая, что она проявляется повсюду, подчеркнув, что он имеет в виду под этим ложь, обиды, унижения, «невозможность открыто заявить, что ты на стороне честных, свободных людей, необходимость лгать, улыбаться из-за куска хлеба, из-за какого-нибудь чинишки, которому грош цена».

Не случайно он хочет подробнее высказать свои мысли, что ему удастся сделать на следующий день в доме Алехина, когда он излагает историю жизни своего брата, Николая Ивановича Чимши-Гималайского. Эта жизнь с самого начала удивляла его мечтой купить, как он говорит, «маленькую усадьбу где-нибудь на берегу реки или озера», есть свои щи и выращивать крыжовник. Но, как уже сказано, поведение брата и его мироощущение особенно поразило его при последней встрече, когда Иван Иванович увидел, как его брат превратился в человека, который испытывал невыразимое удовольствие оттого, что он стал баринном, помещиком, мужики называли его «ваше высокоблагородие», а он ел свой кислый крыжовник и чувствовал себя счастливым человеком и в течение одного дня способен был раз двадцать повторить: «мы, дворяне», «я как дворянин», хотя его дед был мужик, а отец - солдат.

Эти воспоминания вызывают у Ивана Ивановича поток эмоциональных высказываний не только и не столько о жизни брата, сколько о жизни вообще. «Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, вранье...» На этом фоне, по его мнению, не должно обольщаться счастьем, надо что-то делать - делать доброе, разумное, великое. С этими пожеланиями он обращается к Алехину.

Подобные мысли, которые здесь процитированы в сокращенном виде, по-видимому, близки автору и еще раз подтверждают суждение о том, что ему важно на примере того или иного случая заставить поверить в общую неблагоприятную атмосферу, которая окружает многих, но ощущается и замечается немногими, т.е. теми, кто привык думать и наблюдать.

История отношений Алехина и Анны Алексеевны, история без начала и конца, раскрывает не только их характеры, их личные отношения. Эта история - свидетельство той же общей атмосферы, при которой Алехин, любя Анну Алексеевну и зная о ее любви к нему, ничего не мог изменить в их жизни не из-за того, что у нее есть муж, а вследствие своего собственного положения, положения человека, который кончил университет, был по своим наклонностям кабинетным человеком, а стал спасать доставшееся ему имение от долгов, ради чего «сам пахал, сеял, косил и при этом скучал и брезгливо морщился», «летом, во время покоса не успевал добраться до своей постели и засыпал в сарае, в санях или где-нибудь в лесной сторожке». Естественно, это не доставляло ему никакого удовлетворения, а, самое главное, думая о своей любви к Анне Алексеевне, он неоднократно задавал себе вопрос: «Куда бы я мог увести ее? Другое дело, если бы у меня была красивая, интересная жизнь, если бы я был знаменитым ученым, артистом, художником, а то ведь из одной обычной, будничной обстановки пришлось бы увлечь ее в другую такую же или еще более будничную». И причина такой безнадежности была не только в его относительной бедности и погруженности в дела имения, а в бесперспективности, в нереальности обрести возможность иной, культурной, что-то обещающей жизни, о которой мечтают многие герои Чехова. Таким образом, и здесь поражает общая безысходность, которую осознает сам герой. Такая безысходность, ощущавшаяся особенно остро мыслящими людьми, по-видимому была признаком исторического времени, которое здесь прямо не обозначено, но угадывается как современное автору, как весьма характерное для русского провинциального города, с которым связаны судьбы Буркина, Беликова, Ивана Ивановича, Алехина, семьи Лутановичей.

Итак, соединение трех разных историй «работает» на общую мысль. А выявлению этой мысли способствует и пространственно-временная организация художественного мира трех произведений, действие которых протекает в условиях сходного пространства. Что касается организации времени, то здесь совмещаются три вида времени: общения рассказчи-

ков; развертывания каждой из трех ситуаций; наконец, так называемое историческое время. Его атмосфера окрашивает и пропитывает общественную жизнь в целом, личные судьбы отдельных героев и мысли рассказчиков, которыми они обмениваются в течение трех дней.

ЦГТБ имени А. П. Чехова